

Мое московское время

Виталий Асовский

У Виктора Чубарова есть стихотворение, которое начинается так:

*Когда перевернулась лодка,
когда торчали из воды
интеллигентная борода
и две лохматых бороды...*

Интеллигентная борода принадлежала Саше Сопровскому, две лохматые – Сереже Гандлевскому и самому Чубарову. Торчали они из озера в центре Друскининкай, где час назад была взята напрокат двухместная прогулочная лодка. Кроме Сопровского, Гандлевского и Чубарова, в ней помещались еще двое – Максим, королевский пудель Гандлевского шоколадной масти, и я. Цвет своих волос я забыл. До этого мы хорошо посидели в пивном баре, потом взяли в гастрономе с собой, переправились на другой берег и приняли еще, а когда то, что было с собой, закончилось, снова загрузились в лодку. Чубаров должен был возвращаться в Вильнюс, прямо на работу, и потому был одет в костюм и при портфеле. По пути Саша и Сережа захотели погоняться за лодочкой с девушками, но из-за перегруза наше судно было медлительным и неповоротливым, поэтому попытка пофлиртовать не удалась. Я предусмотрительно напомнил об осторожности, но ответом было веселое ржание. Когда мы подплыли к причалу, я вылез первым, а остальные неосмотрительно поднялись на ноги одновременно. Лодка накренилась, и можно было наблюдать, как на глазах меняются лица у медленно погружавшихся в воду друзей. И вот уже из воды торчали те самые бороды. Я так смеялся, что упал и сломал на пристани парапет. Промокшего Чубарова с портфелем, из которого продолжала капать вода, мы загрузили в поезд, а сами продолжали веселье. Больше всех радовался пудель...

Гандлевский и Сопровский, одни из основателей литературной группы «Московское время». Первый – высокий и худощавый, второй пониже ростом и поплотнее. Дон Кихот и Санчо Панса. Такая ассоциация напрашивалась бы до появления «Мастера и Маргариты», а потом, учитывая московские декорации, конечно,

Коровьев и Бегемот. Внешность друга Гандлевский в стихотворении «Друзьям-поэтам» описал:

*Третий зверь, поросший мехом,
Был неряшлив и сутул.
Это он козлиным смехом
Смуглый воздух полоснул.*

Знаменитый смех Сопровского был больше похож на камнепад в горах, чем на бляение. «Саша, не греми!» – говорила ему Таня Полетаева. Несмотря на интенсивно веселую жизнь, Саша по утрам выпивал чашку кофе (если было на что) и отправлялся в библиотеку. Он обладал прекрасной памятью, и когда его хотели завалить на экзамене по истории КПСС, наизусть цитировал нужные места из первоисточников с указанием страниц. Он был главным организатором и душой «Московского времени». В 1990 году, возвращаясь ночью от друзей, Саша погиб под колесами автомобиля, в «классические» 37 лет.

Анализировать творчество поэтов «Московского времени» (Алексея Цветкова я уже не застал) я не буду. Многие хорошо знают их стихи, кто не знает – пусть прочтет и оценит самостоятельно. Сейчас они запросто доступны. В период моей жизни в Москве их проще было прочесть в парижском «Континенте», чем в советской печати. Случались и неожиданности. Как-то нас – Мишу Дидусенку, Чубарова и меня – пригласили студенты филфака Вильнюсского университета. Мы собрались в аудитории, почитали свое, и один из студентов спел под гитару на стихи Бахыта (Кенжеева) (цитирую по памяти):

*Роца вещега страданья
Говорлива и светла.
В ней лежат воспоминанья
Грудой битого стекла...*

В то время эти стихи распространялись только в самиздатских машинописях из рук в руки – «сампередатом».

Осенью 1978 года мы с Мишей Дидусенко отправились в Питер, чтобы там втроем с нашим другом, ленинградским поэтом Владимиром Хананом, которому мы обязаны дружбе с москвичами, загрузиться в поезд и наутро высадиться в Москве. Там мы отправились на Комсомольский проспект, к художнице Тане Киселевой. Туда же прибыли Сопровский с Гандлевским, уже оповещенные о нашем приезде. Знакомство успешно состоялось и продолжалось двое суток.

*Алкоголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно!
С. Гандлевский*

Только знакомством дело не ограничилось. Через некоторое время Дидусенко и близкая к «Московскому времени» ленинградка Лена Чикадзе поженились, и Миша

переехал к ней. Позднее, через несколько лет после гибели Сопровского, стали мужем и женой Витя Чубаров и вдова Саши Таня Полетаева. Чуть было и я не вступил в брак с художницей Галей из Ленинграда. Уточню, брак фиктивный. В те времена таким способом приезжие получали право на прописку в Москве или Ленинграде, куда меня неудержимо тянуло из провинциального тогда (да и сейчас) Вильнюса.

В Москве я жил без разрешения, периодически наезжая в Вильнюс с самиздатовской или закордонной литературой, слайдами и рисунками, полученными в подарок. Привезти удавалось не все – в Москве книги и журналы быстро переходили из рук в руки, и заполучить их можно было только на короткое время. Скажем, том «Архипелага ГУЛАГа» мне дали на одну ночь. Но главное, мне посчастливилось познакомиться с интереснейшими людьми. Кратко расскажу о некоторых из них.

Александр Величанский. Песню «Под музыку Вивальди...» в исполнении Татьяны и Сергея Никитиных знали все, но кто действительно написал эти стихи – известно было немногим. Большинство считало, что авторство принадлежит известному актеру из «Театра на Таганке» Вениамину Смехову. Произошло это потому, что в опубликованной в журнале «Юность» автобиографической повести «В один прекрасный день» Смехов процитировал:

*Под музыку Вивальди –
Вивальди! Вивальди!
Под музыку Вивальди,
Под вьюгу за окном,
Печалиться давайте –
Давайте, давайте!
Печалиться давайте
Об этом и о том...*

Вениамин упомянул автора стихотворения «друга Сашу» (не называя фамилии). Читатели «Юности», выходявшей тогда гигантским тиражом, решили, что Саша – плод творческого воображения, а подлинный автор – тот же Смехов. Думаю, эта песня сыграла не последнюю роль в необыкновенной популярности Вивальди в России.

Величанский не только писал стихи, но и переводил с новогреческого, английского, грузинского – Константиноса Кавафиса, Эмили Дикинсон, Анны Каландадзе и других непростых для перевода поэтов. Внешне он был похож, как утверждал знавший его с молодости Эдуард Лимонов, на французского певца Жака Бреля.

Величанский с женой Лизой любили приезжать в Литву, иногда останавливались у меня. Саша интересовался литовским фольклором, даже собирался подучить язык, чтобы переводить... Он был знатоком и любителем русской истории и культуры, в благородном значении слова «любить». Однажды, когда я останавливался у них в Москве, Саша и Лиза устроили мне экскурсию по городу. Зима, вокруг снег... И от заснеженной земли взлетает колокольня в Коломенском... Такой тяги в небо я до этого не ощущал, даже у любимых мною готических соборов. А небольшая Спаская церковь в Спасо-Андрониковом монастыре, где похоронен Андрей Рублев, поразила

гармоничностью пропорций и соразмерностью с окружающим миром. Именно в тот раз я почувствовал уникальность и красоту русской церковной архитектуры. Думаю, что без этого путешествия по Москве (не прогулкой же его называть!), я не скоро проникся бы этим пониманием.

В Москве Величанские жили в небольшой полутораконатной квартире, скромно, как и большинство моих московских знакомых. В доме даже не было телевизора. Величанскому на пятидесятилетие телевизор подарили, и через день он умер, сидя перед экраном, от сердечного приступа. При жизни его стихи в литературных изданиях появлялись очень редко, хотя люди, знающие толк в поэзии, и среди них Иосиф Бродский, их оценивали высоко.

Саша собственноручно перепечатывал свои стихи на машинке, переплетал и раздаривал. Несколько книжек он подарил мне. Узнав, что у меня нет Библии, прислал из Москвы карманное издание, которое передал с Генрихом Сапгиром, ехавшим в Вильнюс.

Генрих Сапгир, поэт, автор сценариев популярных детских мультфильмов, в том числе «Паровозика из Ромашкова», поэтических переводов и много чего еще – признанный мэтр неофициальной поэзии, или, как сказали бы критики, московского авангарда. В аккуратном пиджаке, с ровно подстриженными усами, он больше походил не на поэта-авангардиста, а на директора областной филармонии. Среди нонконформистов его авторитет и популярность были очень велики. Сам Сапгир от причисления его к авангардистам открещивался, как и от самого термина применительно к российской художественной культуре того времени.

В те годы, желая обозначить лидеров московской неофициальной поэзии, первым делом называли Сапгира, чаще всего в паре с Игорем Холиным. Холин в доперестроечное время почти не печатался, если не считать его стихов для детей, но тоже пользовался большим авторитетом в нонконформистских кругах. С ним мне познакомиться не довелось. С Сапгиром мы впервые встретились, когда он приезжал в Вильнюс к своему приятелю – джазовому барабанщику Владимиру Тарасову, и в тот же приезд читал у меня свои стихи. Читал он в тот раз стихотворения строгой классической формы, сонеты. Чубаров назвал их ошеломительными. В Москве я с Сапгиром встречался, главным образом, у Славы Лёна.

Слава Лён – поэт, прозаик, теоретик литературы и художник, признанный знаток и авторитет культуры русского андеграунда, вдобавок доктор всевозможных наук. В своей просторной академической квартире он организовывал выставки, вечера с чтением стихов и прочее. Однажды мы вчетвером – Сопровский, Гандлевский, пес Максим (втроем они напоминали булгаковских Коровьева и Азazelo, в которой кот Бегемот, понятно, пудель) и я – заявили к Лёну. Большинство гостей обычно общались стоя. Несколько человек все же сидели за столом, немного особняком. Один из них оказался Вениамином Ерофеевым, автором бессмертной поэмы «Москва–Путушки». В перерыве между наполнением разнокалиберных сосудов нам предложили почитать стихи, что мы и сделали. Потом Сопровский говорил, что чтение прошло

удачно, потому что в таких случаях Ерофеев, подобно булгаковскому Мастеру при встрече с Иваном Бездомным, обычно говорил: «Это очень плохие стихи... У вас нет чего-нибудь другого?»

У Лёна я слышал Павла Нерлера – поэта, знатока Манделъштама, географа по образованию. Он в своих экспедициях, кроме основной работы, занимался сбором фольклора. Нерлер знал наизусть полтысячи матерных частушек и выразительно исполнял их под гитару. Встречались подлинные шедевры.

На такие выступления Сопровский приходил с женой Татьяной Полетаевой, тоже поэтом, играющей на гитаре и поющей, но в противоположном Нерлеру репертуаре. Именно она, через несколько лет после гибели Саши, приютила ставшего к тому времени бездомным Чубарова, а потом они поженились. Таня много сделала для посмертного издания книг Сопровского и Чубарова, их публикаций в литературной периодике.

*Заката рыжая полоска –
Как будто птица горихвостка
Взмахнула огненным пером
Над керосиновым ведром...*

А. Сопровский

Сопровского – самого близкого из моих московских друзей – укоряли в пристрастии к традиционной форме стиха и серьезности содержания. Справедливо ли?

В скобках – о традиционных формах. Алексей Бердников, московский поэт и переводчик, давно уехавший из России, писал романы – внимание! – венками сонетов. Мало того, насколько мне известно, Бердников этим не ограничивался и сочинял короны сонетов! Когда-то Илья Сельвинский, писавший венки, говорил, что если бы он взялся за корону, то скорее сошел бы с ума, чем смог ее завершить. Бердников, утверждают, смог. В день знакомства мы почитали свои стихи, а потом хозяин дома достал внушительный фолиант, собственноручно перепечатанный и переплетенный, и прочел несколько венков. Об их художественных достоинствах ничего сказать не могу. Ошеломленный подвигом автора, я не смог сосредоточиться на стихах. Такое не то что написать – попробуй прочесть!

Как-то Сопровские и ленинградский поэт Виталий Дмитриев приехали на Новый год в Вильнюс, квартировали у Чубарова и у меня. Расскажу о Дмитриеве, пусть он и не москвич. Он по образованию журналист, но работал то в экспедиции где-то на севере, то экскурсоводом. Возле Александрийского столпа на Дворцовой площади он останавливал свою группу со словами: «Перед вами крупнейший в мире обелиск, изготовленный из цельного камня. Высота колонны, увенчанной фигурой ангела, сорок семь с половиной метров. В данный момент крылья ангела сложены. В развернутом виде размах крыльев пять с половиной метров». Иногда он добавлял: «Фигура ангела за час совершает оборот на 360 градусов. Если присмотреться, это можно увидеть». Всмотриваться у экскурсантов времени не было, поэтому слова

приходилось принимать на веру. В Исаакиевском соборе, где тогда висел маятник Фуке, Дмитриев демонстрировал, как, подчиняясь вращению Земли, подвешенный на тресе металлический шар сбивает спичечный коробок. Затем он отступал на шаг, воздевал палец к небу и пророчески восклицал: «И все-таки она вертится!»

Итак, чета Сопровских и Дмитриев пожаловали в Вильнюс. В один из дней Татьяна неважно себя чувствовала и осталась дома, а я провел Сашу по вильнюсским барам. Особенно ему понравился «Сянасис русис» в Старом городе. «Спасибо, я это запомню! В Москве ничего такого нет». В немногочисленные и дорогие московские бары небогатые поэты не ходили. Они были уверены, что такие места – не для народа, к которому в этом случае причисляли и себя. Перебравшись в Москву, я быстро отыскал неподалеку от своего дома уютный коктейль-барчик с китайскими фонариками, приглушенным освещением и негромкой музыкой от магнитофона. Когда в столицу приехал Дмитриев, и они с Сашей зашли ко мне на Большую Почтовую, я предложил посидеть не дома, а в баре. «Ага! Ха-ха! – захохотал Сопровский. – В “Интуристе”!». Я отвел их в приглянувшееся место и заказал цветные коктейли. Сопровский молча обвел взглядом интерьер и после долгой паузы, ни к кому не обращаясь, проговорил: «Свинья грязи найдет».

Домашние посиделки были постоянными. На одной из них я познакомился с Юрием Кублановским. До знакомства читал его стихи в самиздате и закордонных изданиях. Кублановский был немного старше большинства из нас, держался солидно, с достоинством, и в то же время не заносчиво, проявляя хорошее чувство юмора. Искусствовед по образованию, он работал в музее на Соловках, экскурсоводом в литературных музеях. Потом подвергся преследованию и служил дворником, истопником при церквях. Участвовал в альманахе «Метрополь», в 1982 был вынужден эмигрировать.

Не знаю почему, но Кублановский мне чем-то напоминал Пригова. Дмитрий Александрович, как он подписывался и требовал себя называть, тоже приезжал в Вильнюс, читал у меня дома свои стихи, и Фима Плавин, мой приятель, подверг их углубленному анализу. Пригов отвечал уверенно, мастерски оперируя терминологией. Было очевидно, что обороняться от критики для него дело привычное. Пригов подчеркнул, что не приемлет чересчур серьезного отношения к стихам, в том числе к своим собственным. В последнем он был не одинок. Популярность Дмитрия Александровича была неоспоримой. Строки про «милицанера» знал каждый уважающий себя московский интеллигент. А моя вильнюсская знакомая призналась, что после прочтения стихов Пригова почувствовала, что не зря живет на Земле. Именно такими словами.

*А вот Милицанер стоит
Один среди полей безлюдных
Пост далеко его отсюда
А вот мундир всегда при нем*

Д. А. Пригов

Я жил без прописки и не хотел привлекать к себе лишнего внимания. Чаще сам ходил в гости к Сопровскому с Полетаевой. Сживал у Бахыта за бутылкой знаменитой «бахытовки», которую талантливый химик Кенжеев гнал из морилки для дерева на собственноручно изготовленном самогонном аппарате. Получался почти чистый спирт. По Москве ходила байка. Одному скульптору для работы понадобилась морилка, но ее нигде нельзя было купить. Наконец, он набрел на полуподвальный хозяйственный магазинчик и там увидел то, что так долго искал. «Мне – ящик!», – радостно заявил он продавцу. Продавец принес товар и понимающе улыбнулся: «У вас что, свадьба?»

Но «бахытовка» – деликатес. Чаще пили дешевое вино – сухое алжирское или российские «чернила», портвейн «777», «Агдам», которые были по карману и при некоторой усидчивости давали нужный эффект. В этом отношении вино, несмотря на его отчаянное качество, было лучше крепких напитков, потому что опьянение приходило не сразу, и оставалось время для общения. После того, как я вернулся в Вильнюс, а Бахыт уехал на Запад, мы впервые встретились в Москве почти через четверть века. Бахыт достал полугалонную бутылку кукурузного виски. Не надо думать, что мы опустошили ее. Тем более, что она была початой.

*Есть, правда, трезвенники, но
Они, как правило, говно.*

С. Гандлевский

У гостеприимной Вали, которая ничего своего не читала, мы собирались раз в месяц. Валя жила с мамой, и там всегда ждал свежее испеченный пирог и уютная домашняя атмосфера, не позволявшая проявлять свою индивидуальность слишком ярко. Читали стихи, что-то новое... Приходила Наташа Ванханен – поэт и переводчик с испанского, жившая неподалеку, бывшие СМОГисты Кублановский и Сергиенко.

Владимир Сергиенко был немного старше, он успел стать кандидатом химических наук, заведующим лабораторией, ныне – доктор. Уже окончив химфак МГУ и защитив кандидатскую диссертацию, учился заочно в Литературном институте, где, чтобы не возникло проблем, скрывал свое образование и научную степень. Одно из своих стихотворений Сергиенко посвятил другу Аркаше Пахомову:

*...Куда идем? В какие дали?
По воле хлебного винца
Мы облик Божий утеряли,
Не вняли замыслу Творца.
Мы пили, пили, пили, пили!
Огнем бенгальским просверкав,
Мы время наше упустили,
Пока ловили легкий кайф.
Какие строки замышлялись!
Какие планы не сбылись!
Как страшно мы не состоялись!
Как славно снова напились!*

Аркадий Пахомов был похож на русского богатыря – рослый, широкоплечий, с изрядной бородой. Один из основателей Самого Молодого Общества Гениев (СМОГ), он был поэтом от Бога, но владыки литературной печати его не публиковали. При мне его обычно просили прочесть стихотворение «Веселая ночь». В сети можно найти видео, на котором Пахомов читает свои стихи. Вот одно полностью:

*Любимая, в такие времена,
в такую непогодь и замять,
не дай нам Бог кичиться и лукавить
и выяснять, чья большая вина –
твоя вина, или моя вина,
иль родины злопамятные вины
у нас в крови. Без слез и без запинок
забудь вражду, и да пошлет нам сына
глухая ночь в такие времена...*

Аркадий Пахомов умер в нищете, больной, одинокий. Друзья пытались ему помочь, но за помощью к ним он обращался редко, да и возможностей у них было недостаточно.

В 80-е годы резко возросла стукомания. Стукачи и слухачи виделись повсюду. Доходило до смешного. Как-то мы со знакомым литератором, сидя в глубине пустынного сквера, разговаривали между собой шепотом, чтобы никто не услышал. Я не уверен, что тот человек не был стукачом...

Активность компетентных органов не позволяла о них забывать. Однажды мы задумали встретиться с Булатом Окуджавой. Не помню, кто организовал встречу, но каким-то образом до нас дошло, что Окуджаву не прочь послушать, как молодые поэты оценивают его недавно вышедший роман «Путешествие дилетантов». Условием со стороны Окуджавы было не требовать исполнения песен. Мы собрались у Саши Казинцева, с которым разница во взглядах еще не разлучила. Кроме него с женой, были Гандлевский, Сопровский, Сергиенко, я, возможно, кто-то еще. Сбросившись на угощение, мы настроились на содержательный разговор, но в последний момент позвонила жена Окуджавы и сообщила, что Булат простудился и не придет. Мы предположили, что одной из причин изменения планов могло быть опасение лишний раз очутиться в зоне повышенного внимания. Так я с Окуджавой и не познакомился. Накрытый стол пришлось осваивать самим. При разговоре вспомнили Машу. В ее двухкомнатной квартире в спальном районе, где Маша жила вдвоем с дочкой, регулярно бывали квартирные выставки и литературные чтения. Такие квартиры были центрами общения свободомыслящих поэтов и художников. Кто-то сказал, что к Маше сейчас никто не ходит, так как на нее надели из ГБ. На работе у Маши возникла угроза увольнения, дочка боится играть во дворе, потому что подходят какие-то дяди, строго обо всем расспрашивают и велят передать маме, чтобы та не шалила. Если все же кто-то навещал, то, под предлогом жалобы соседей на шум, появлялся участковый и устраивал проверку документов. Маша пребывала

в глубокой депрессии, опасалась за дочь. Мы с Сергиенко решили навестить Машу. Увидев нас, она осторожно обрадовалась и предложила чаю. Мы мирно беседовали, когда раздался звонок в дверь и вошел молодой участковый милиционер. «Поступил сигнал от соседей», – смущаясь, произнес он и попросил предъявить документы.

До шантажа со стороны ГБ у Маши собирались официально непризнанные писатели и художники, но встречались и такие знаменитости, как Савелий Крамаров. Он уже готовился к эмиграции и немилости со стороны Госкино не боялся. Как-то раз мы пристроились на кухне с бутылкой сухого. Савелий покружил рядом, но вина было мало, и мы пожадничали. Уже позднее я узнал, что Крамаров был непьющим и некурящим.

Крамаров уехал на Запад, в США. Я тоже вернулся на Запад, но недалеко. Когда в Вильнюсе ехал на такси с вокзала домой, на углу Соду и Шопену увидел человека, который там некоординированно перетаптывался, подобно аналогичному персонажу в день моего отъезда в Москву.

Жизнь продолжалась, в ней много что было, но это время – уже не московское.

P. S. Что до приведенных цитат, то они взяты произвольно. У их авторов много стихов, с которыми стоит познакомиться не по отрывкам, а целиком. Вообще о стихах я предпочитаю не говорить, а читать их. В крайнем случае, писать.